

КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА



Ги де
МОПАСАН

Жизнь

Ги д. Мопассан
Сестры Рондоли

«ЛитПаб»

Мопассан Г. д.

Сестры Рондоли / Г. д. Мопассан — «ЛитПаб»,

© Мопассан Г. д.

© ЛитПаб

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ги де Мопассан

Сестры Рондоли

Жоржу де Порто-Риш

I

– Нет, – сказал Пьер Жувене, – я не знаю Италии; а между тем я дважды пытался туда попасть, но каждый раз застревал на границе, да так прочно, что невозможно было двинуться дальше. И все же эти две попытки оставили во мне чарующее представление о нравах этой прекрасной страны. Мне остается только познакомиться с городами, музеями и шедеврами искусства, которыми полон этот край. При первом же случае я вновь отважусь проникнуть на эту недоступную территорию.

Вам непонятно? Сейчас объясню.

В 1874 году мне захотелось посмотреть Венецию, Флоренцию, Рим и Неаполь. Это стремление овладело мною около середины июня, когда с буйными соками весны вливаются в душу пылкие желания странствий и любви.

Но я не любитель путешествовать. Перемена места, по-моему, бесполезна и утомительна. Ночи в поезде, сон, прерываемый вагонной тряской, вызывающей головную боль и ломоту во всем теле, чувство полной разбитости при пробуждении в этом движущемся ящике, ощущение невымытой кожи, летучий сор, засыпающий вам глаза и волосы, угольная вонь, которую все время приходится глотать, мерзкие обеды на сквозняке вокзальных буфетов – все это, по-моему, отвратительное начало для увеселительной поездки.

За этим железнодорожным вступлением нас ожидает уныние гостиницы, большой гостиницы, переполненной людьми и вместе с тем такой пустынной, незнакомая, наводящая тоску комната, подозрительная постель! Своей постелью я дорожу больше всего. Она святая-святых нашей жизни. Ей отдаешь нагим свое усталое тело, и она возвращает ему силы и покоит его на белоснежных простынях, в тепле пуховых одеял.

В ней обретаем мы сладчайшие часы нашей жизни, часы любви и сна. Постель священна. Мы должны благоговеть перед ней, почитать ее и любить как самое лучшее, самое отрадное, что у нас есть на земле.

В гостинице я не могу приподнять простыню постели без дрожи отвращения. Кто лежал там в предыдущую ночь? Какие нечистоплотные, отвратительные люди спали на этих матрацах? И я думаю о всех тех омерзительных существах, с которыми сталкиваешься каждый день, о гадких горбунах, о прыщавых телах, о грязных руках, не говоря уж о ногах и всем прочем. Я думаю о людях, при встрече с которыми вам ударяет в нос тошнотворный запах чеснока или человеческого тела. Я думаю об уродах, о шелудивых, о поте больных, обо всей грязи и мерзости человеческой.

Все это побывало в постели, в которой я должен спать. И меня тошнит, как только я суну в нее ногу.

А обеды в гостинице, долгие обеды за табльдотом, среди несносных и нелепых людей; а ужасные одинокие обеды за столиком ресторана, при жалкой свечке, покрытой колпачком!

А унылые вечера в незнакомом городе! Что может быть грустнее ночи, спускающейся над чужим городом! Идешь куда глаза глядят, среди движения, среди сутолоки, поражающей и пугающей, как во сне. Строишь на лица, которых никогда не видел и никогда больше не увидишь, слышишь голоса людей, разговаривающих о безразличных для тебя вещах на языке, которого ты даже не понимаешь. Испытываешь ужасное ощущение потерянности. Сердце сжи-

мается, ноги слабеют, на душе гнет. Идешь, словно спасаешься от чего-то, идешь, лишь бы только не возвращаться в гостиницу, где чувствуешь себя еще более потерянным, потому что там ты как будто «дома», но ведь это «дом» любого, кто только заплатит за него, – и в конце концов падаешь на стул в каком-нибудь ярко освещенном кафе, позолота и огни которого угнетают в тысячу раз сильнее, чем уличный мрак. И сидя перед липкой кружкой пива, поданной светлым официантом, чувствуешь себя столь отвратительно одиноким, что какое-то безумие охватывает тебя, желание бежать куда-нибудь, бежать куда угодно, чтобы только не быть здесь, не сидеть за этим мраморным столиком, под этой ослепительной люстрой. И тогда вдруг понимаешь, что ты всегда и везде одинок в этом мире и что привычные встречи в знакомых местах внушают лишь иллюзию человеческого братства. В такие часы заброшенности, мрачного одиночества в чужих городах мысль работает особенно независимо, ясно и глубоко. И тут одним взглядом охватываешь всю жизнь и видишь ее уже не сквозь розовые очки вечных надежд, а вне обмана нажитых привычек, без ожидания постоянно грезящегося счастья.

Только уехав далеко, сознаешь, до чего все близко, ограничено и ничтожно; только в поисках неизведанного замечаешь, до чего все обыкновенно и мимолетно; только странствуя по земле, видишь, до чего тесен и однообразен мир.

О, эти угрюмые вечера, когда шагаешь наудачу по незнакомым улицам, – я испытал их! Этих вечеров я боюсь больше всего на свете.

Вот почему, ни за что не желая ехать в Италию один, я уговорил моего приятеля Поля Павильи отправиться вместе со мной.

Вы знаете Поля. Для него весь мир, вся жизнь – в женщине. Таких мужчин найдется немало. Жизнь кажется ему поэтической и яркой только благодаря присутствию женщин. На земле стоит жить лишь потому, что они живут на ней; солнце сияет и греет потому, что освещает их. Воздух приятно вдыхать потому, что он овеивает их кожу и играет короткими завитками у них на висках. Луна восхитительна потому, что заставляет их мечтать и придает любви томную прелесть. Словом, вдохновляют и интересуют Поля только женщины; к ним обращены все его помыслы, все его стремления и надежды.

Один поэт заклеил людей подобного рода:

Всех больше не терплю я томного поэта:
Посмотрит на звезду – и имя шепчет он,
А рядом с ним всегда Нинон или Лизетта, —
Иначе пуст ему казался б небосклон.
Такие чудачки стараются день целый,
Чтоб пробудить любовь к природе у людей:
То на зеленый холм прицепят чепчик белый,
То юбку – к деревцам, растущим средь полей,

Тот не поймет твоих, природа, песен чудных,
Твоих, бессмертная, звенящих голосов,
Кто не бродил один среди полей безлюдных,
Кто грезит женщиной под шепоты лесов.¹

Когда я заговорил с Полем об Италии, он сначала решительно отказался уезжать из Парижа, но я стал расписывать ему разные дорожные приключения, сказал, что итальянки сливуют очаровательными, пообещал доставить ему в Неаполе разные утонченные удовольствия

¹ Перевод А. Худаковой.

благодаря имевшейся у меня рекомендации к некоему синьору Микелю Аморозо, знакомство с которым весьма полезно для иностранцев, – и он поддался искушению.

II

Мы сели в скорый поезд в четверг вечером 26 июня. В это время года никто не ездит на юг, и мы оказались в вагоне одни. Оба были в дурном настроении, досадуя на то, что покидаем Париж, недовольные, что навязали себе это путешествие, с сожалением вспоминая тенистый Марли, прекрасную Сену, отлогие берега, славные дни прогулок на лодке, славные вечера, когда так хорошо дремлет на берегу, пока спускается ночь.

Поль забился в уголок и, когда поезд тронулся, заявил:

– До чего же глупо пускаться в такое путешествие.

Так как он уже не мог изменить своего решения, я сказал в ответ:

– Не надо было ехать.

Он промолчал. Но вид у него был такой сердитый, что я чуть не расхохотался. Он, условно, похож на белку. Каждый из нас сохраняет под своим человеческим обликом черты какого-нибудь животного, нечто вроде признаков своей первоначальной породы. Сколько найдется людей с бульдожьей пастью, с козлиной, кроличьей, лисьей, лошадиной, бычьей головой! Поль – это белка, превратившаяся в человека. У него те же живые глазки, рыжая шерстка, острый носик, небольшое тельце, тоненькое, гибкое, проворное, да и во всем облике его есть какое-то сходство с этим зверьком. Как бы это сказать? Сходство в жестах, движениях и повадке, словно какое-то смутное воспоминание о прежнем существовании.

Наконец мы оба заснули, как спят в вагоне, – сном, который беспрестанно прерывается из-за шума, из-за судорог в руках или шее, из-за внезапных остановок поезда.

Мы проснулись, когда поезд шел уже вдоль берега Роны. И вскоре в окно ворвалось стрекотание кузнечиков, то непрерывное стрекотание, которое кажется голосом самой нагретой земли, песней Прованса; оно пахнуло нам в лицо, в грудь, в душу радостным ощущением юга, запахом раскаленной почвы, каменистой и солнечной родины приземистого оливкового дерева с его серо-зеленой листвой.

Когда поезд остановился у станции, железнодорожный служащий промчался вдоль состава, звонко выкрикивая: «Валанс!» – по-настоящему, подлинным местным говором, и это «Валанс», как перед тем скрежещущее стрекотание кузнечиков, снова заставило нас всем существом ощутить вкус Прованса.

До Марселя ничего нового.

В Марселе мы вышли позавтракать в буфете.

Когда мы вернулись в вагон, там сидела женщина.

Поль бросил мне восхищенный взгляд; машинальным движением он подкрутил свои короткие усики, поправил прическу, проведя пятерней, словно гребнем, по волосам, сильно растрепавшимся за ночь. Потом уселся против незнакомки.

Всякий раз, когда – в дороге или в обществе – передо мной появляется новое лицо, меня неотступно преследует желание разгадать, какая душа, какой ум, какой характер скрываются за этими чертами.

То была молодая женщина, совсем молоденькая и прехорошенькая, – без сомнения, дочь юга. У нее были чудесные глаза, великолепные черные волосы, волнистые, слегка выющиеся, до того густые, жесткие и длинные, что казались тяжелыми, и стоило только взглянуть на них, чтобы сразу ощутить на голове их бремя. Одета нарядно и по-южному несколько безвкусно, она казалась немного вульгарной. Правильные черты ее лица были лишены той грации, того легкого изящества, утонченности, которые присущи от рождения детям аристократии и являются как бы наследственным признаком более благородной крови.

Ее браслеты были слишком широки, чтобы их можно было принять за золотые, прозрачные камни в серьгах слишком велики для бриллиантов, да и во всем ее облике было что-то

простонародное. Чувствовалось, что она, должно быть, привыкла говорить чересчур громко и по любому поводу кричать, буйно жестикулируя.

Поезд тронулся.

Она сидела неподвижно, устремив хмурый взгляд перед собой, с обиженным и раздосадованным видом. На нас она даже не взглянула.

Поль завел со мной беседу, высказывая вещи, рассчитанные на эффект, и стараясь привлечь ее внимание, блеснуть искусной фразой, ослепить красноречием, подобно торговцу, который выставляет отборный товар, чтобы разжечь покупателя.

Но она, казалось, ничего не слышала.

– Тулон! Остановка десять минут! Буфет! – прокричал кондуктор.

Поль сделал мне знак выйти и, как только мы очутились на платформе, спросил:

– Скажи, пожалуйста, кто она, по-твоему?

Я рассмеялся:

– Вот уж не знаю. Да мне это совершенно безразлично.

Он был очень возбужден.

– Она чертовски хорошенькая и свеженькая, плутовка! А какие глаза! Но вид у нее недовольный. У нее, должно быть, неприятности: она ни на что не обращает внимания.

Я проворчал:

– Зря стараешься.

Но он рассердился:

– Я вовсе не стараюсь, дорогой мой; я нахожу эту женщину очень хорошенькой, вот и все. А что, если заговорить с ней? Только о чем? Ну, посоветуй что-нибудь. Как ты думаешь, кто она такая?

– Право, не знаю. Вероятно, какая-нибудь актрисочка, которая возвращается в свою труппу после любовного похождения.

Он принял оскорбленный вид, точно я сказал ему что-то обидное, и возразил:

– Из чего ты это заключаешь? Я, наоборот, нахожу, что у нее вид вполне порядочной женщины.

Я ответил:

– Мой милый, посмотри на ее браслеты, серьги, на весь ее туалет. Я не удивлюсь, если она окажется танцовщицей или, может быть, даже цирковой наездницей, но скорее всего, пожалуй, танцовщицей. Во всей ее внешности есть что-то от театра.

Эта мысль решительно не нравилась ему.

– Она слишком молода, дорогой мой, ей не больше двадцати лет.

– Но, мой милый, мало ли что можно проделывать и до двадцати лет! Танцы, декламация, не говоря уже о других вещах, которыми она, может быть, единственно и занимается.

– Экспресс на Ниццу – Вентимилью, занимайте места! – закричал кондуктор.

Пришлось войти в вагон. Наша соседка ела апельсин. Ее манеры в самом деле не отличались изысканностью. Она разостлала на коленях носовой платок, а то, как она снимала золотистую корку, открывала рот, хватая губами дольки апельсина, и выплевывала зернышки в окно, изобличало простонародные привычки и жесты.

Она как будто еще больше насупилась и уничтожала апельсин с яростью, положительно забавной.

Поль пожирал ее взглядом, придумывая способ привлечь ее внимание, разбудить ее любопытство. И он снова пустился болтать со мною, изрекая множество изысканных мыслей, непринужденно упоминая о знаменитостях. Но она не обращала никакого внимания на его усилия.

Проехали Фрежюс, Сен-Рафаэль. Поезд мчался теперь среди пышных садов, по райской стране роз, через рощи цветущих апельсиновых и лимонных деревьев, покрытых одновре-

менно и гроздьями белых цветов и золотистыми плодами, среди благоухающего царства цветов, вдоль восхитительного побережья, которое тянется от Марселя до Генуи.

В этот край, где в тесных долинах и по склонам холмов свободно и дико растут прекраснейшие цветы, надо приезжать именно в июне. Куда ни взглянешь – повсюду розы; целые поля, равнины, изгороди, чащи роз. Они ползут по стенам, распускаются на крышах, взбираются на деревья, сверкают среди листвы – белые, красные, желтые, мелкие или огромные, тоненькие, в простеньких однотонных платицах, или мясистые, в тяжелом и пышном наряде.

Их непрерывное могучее благоухание сгущает воздух, придает ему вкус, насыщает его томлением. А еще более резкий запах цветущих апельсиновых деревьев словно подслащивает вдыхаемый воздух, превращая его в лакомство для обоняния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.